

Содержание

Избавление	5
Он простит	11
Зоя с нами не останется	15
Старая дева	19
В ожидании	23
Алена решает бороться	32
Без дома	57
Разговор с ушедшей женой	76
Не признал	83
Не как все	92
Кто, если не ты?	103
Пес	116
Каждый раз, ложась спать, старик надеялся уже не проснуться	120
Священник	145
Предприимчивый бездомный	151
Цветочница	154
Бабушка попрощалась	163
Невыносимая теща	176
Муж не узнает	182
Пророчество	197
Мать	205

Никогда не поздно.....	218
Животный инстинкт.....	231
Кому ты такая нужна. <i>Повесть</i>	245

Избавление

Моя мать была существом абсолютно аморфным. Она из тех женщин, которые во что бы то ни стало держатся за штаны... Даже если они плешивые, драные и напрочь провонявшие дымом сигарет.

Помню, как мы сбегали от папы в ночь бесчисленное множество раз. Мама с разбитой губой. Ее кровь на обоях и моей синей куртке. И на моих руках. Уже тогда я начала презирать весь этот чертов мир.

Помню, как колотило меня, когда мы прятались на тех вонючих останках. Мы не собирались уезжать, мы просто пережидали метель, забившись в угол, ежась от холода и неизвестности. Переживали метель, непогоду, жизненную бурю и пургу, что губили меня, загоняли мое детство в тупик. Брат постоянно плакал. Ему было пять, а мне целых двенадцать. Было за счастье переждать ночь в подъезде, но они, как назло, почти всегда были закрыты на ключ. Мы возвращались домой лишь на рассвете, точно зная, что отец упился вдрызг и не сможет даже подняться.

Знаете, есть безобидные алкоголики, которые, нажравшись, добреют, лепечут чушь и засыпают, как младенцы, в самых непригодных для этого местах.

Это ничего, это можно пережить. Считай, повезло. А вот мой папаша превращался в сущего монстра.

— Стой! Поди сюда! Женька!

По пути в ванну я пинаю ногой выкатившуюся из кухни пустую бутылку, и она со звоном закатывается ему под стул. Он орет, зовет меня тем измененным, охрипшим басом, от которого во мне просыпается зверь. Беспомощный зверь-ребенок, не способный дать надлежащий отпор. Я делаю вид, что не слышу, и запираюсь на щеколду.

— Иди сюда, дрянь такая! Считаю до трех... Один, два...

Я распахиваю дверь. Она врзается в стену. Там давно уже вмятина до самой штукатурки. Больше всего мне хотелось бы наброситься на него, растерзать... Но я всего лишь подросток котенок пумы. Я застываю на пороге и со всем презрением, на которое только способна, смотрю в налитые дьявольским блеском и кровью глаза. Выбегает мама и с другого конца коридора делает мне умоляющие знаки, чтобы я не нарывалась.

— Переоденься.

— Мне и так хорошо.

Он стучит кулаком по столу, и стоящие там предметы безвольно подпрыгивают.

— А я сказал, переоденься! В нормальную одежду! Для девочек! Что ты рядишься в эти мальчишеские футболки и джинсы?! Пугало! Смотреть противно на такое уродство!

Я специально так одевалась, потому что это бесило его до потери пульса. Потому что это был мой протест. На что я рассчитывала? Может быть на то, что мать, наконец, прозреет и поймет, какое он все-таки дерьмо...

— Нет. Мне так нравится, — отвечаю смело, а у самой сердце так и выпрыгивает. Нельзя, нельзя

играться с огнем. Если бы я имела суперспособность убивать взглядом, первым в моем списке был бы он. Потом я бы расправилась с вредной техничкой, которая любит подрезать меня своей долбаной шваброй. Так и засунула бы ту рукоятку в ее толстый... Еще физичка — чёртова стерва. За все причиненные мне унижения она заслуживает не меньших экзекуций, чем отец.

Он подходит, хватая меня за футболку и тянет вверх. Я еще мелкая и очень худая. Я почти отрываюсь от пола.

— Знаешь, что я могу с тобой сделать?!

Он говорит, и я задыхаюсь от его смрадного перегара.

— Думаешь, дерзкая, да?

Плону, я сейчас плюну в его поганое лицо.

— Петя, отпусти ее, хватит! — подбегает мать и хватается за его руку.

Он рад. Ему только то и надо, что малейший повод. Отец отпускает меня и тут же хватается за горло и резким движением впечатывает ее в стену. Теперь уже я висну у него на руке, но он отшвыривает меня, и я врезаюсь затылком в угол.

Я уже знаю, что делать. Мы с братом накидываем куртки, запрыгиваем в ботинки, и я беру с собой верхнюю одежду мамы. Она выбежит из подъезда через пять-десять минут босиком. Каждый раз ей чудом удавалось смыться. Нам не к кому идти: родственников здесь нет, да и друзей у мамы тоже.

— Это ты виновата, зачем ты его провоцировала?!

Мама верещит. На этот раз вина на мне, но я огрызаюсь:

— Ну, конечно, кто ж еще виноват в том, что ты вышла замуж за дебила и продолжаешь с ним жить!

— А куда мне, по-твоему, уходить? С двумя спиногрызами? Да, да, и не надо так на меня смотреть! Вот выйдешь замуж...

— Не бывать этому! Ни за что!

— Ой, дочка, никуда ты не денешься. Так надо.

— Как надо? Мучиться и страдать?

— Все девочки должны выходить замуж.

Она потирает скованную болью шею.

— Бред! Спасибо, но я уже с вами наелась этого семейного счастья.

— Ну, не у всех же так! Просто твой папа... он несчастный человек. Нереализованный. Вот и пьет, заглушает там в себе... не знаю... пустоту.

С ума сойти! Она его еще и оправдывает!

— Мама, мы должны уйти от него!

— Нам негде жить. Квартира его.

— Снимем комнату. Что угодно! Ты можешь не давать мне денег на обеды, только давай уйдем, прошу тебя!

Мама смотрит на меня одним из своих типа умудренных взглядов. На самом же деле она просто тряпка и трус. Существо без гордости и принципов. Валенок.

— Я не могу. Он не сможет без нас. И я люблю его.

Мы бегали до моих пятнадцати, пока однажды он не избил мать до полусмерти. Соседи вызвали ментов. Маму выписали домой через неделю с закованной в гипс ключицей и с тугой повязкой на ребрах, а отца на три года уперли за решетку.

Два года мы прожили, как в раю. Он писал письма... Слезливые, длинные, пропитанные пафосной чувшью. Я прочла одно случайно — чуть не стошнило от его лжи и мнимого раскаяния. Он, видите ли, все переосмыслил и стал другим человеком. Как же! А мама верила. И даже скучала. И даже ждала.

После школы я поступила в институт и уехала в другой город. Новая жизнь захватила меня. Я не тосковала по дому, по маме... Не знаю, наверное, я очень плохой человек. У меня была подруга Ксюша, которая, как и я, не стремилась навещать родных. А может из-за меня она и оставалась? Как бы то ни было, мы весело проводили время вместе в полуопустевшем общежитии студгородка. Но на новый год уезжали все, даже Ксюша, поэтому я тоже решила — пора.

— Приедешь? Это замечательно, Жень, — наигранно обрадовалась мама, — значит, соберемся в кои-то веки всей семьей...

Я насторожилась.

— Что это значит?

— Понимаешь, тут такое дело... Папу выпускают досрочно! Правда, здорово?!

— Как...

— Женья, он стал совсем другим, вот увидишь, он изменился...

Мама тараторила. В моих ушах вся ее болтовня превращалась в неперевариваемый шум. Мне пришлось оборвать ее.

— Я не приеду. Никогда.

И бросила трубку.

В свете фонарей мирно кружился снег. Он холодный, он беспощадный, он красивейший из всех убийц. Я вышла на наш балкончик с ржавыми перилами и закурила. Я казалась себе героиней драматического фильма. Непонятая, несчастная, потерянная... Но я справлюсь. Устроюсь на работу в выходные дни... Выкручусь.

— Сдурела, что ли, в одной футболке выходить на мороз?

Ксюша выскочила следом и накинула мне куртку на плечи.

— Что случилось?

Я затынулась. Идеальные снежинки запутывались в черных волосах Ксюши.

— Я не поеду домой на Новый год. У меня больше нет дома. Отец вернулся досрочно. Помнишь, я говорила...

— М-да, засада... Ну что ж, тогда поехали ко мне? Или я останусь с тобой.

Господи, как же она меня понимает. Ксюша взяла мою сигарету и тоже затынулась. Она делала это красиво, эффектно, не то, что я, как заправский мужик. Мне вдруг стало легче дышать. Я мягко улыбнулась:

— Лучше останься. Останься со мной.

Ксюша почему-то смутилась и тут же напялила маску.

— Не вопрос! Но на следующий праздник поедем ко мне. Хочу познакомить тебя с моим старшим братом.

— Только если он такой же красивый, как ты.

— Он ничего так... Но не пугай его своими мальчишескими футболками. Боюсь, их прелесть могу оценить лишь я.

— О, нет, нет! Футболки — это часть меня. Без них я не я.

Мы засмеялись. Мы так молоды, нам всего восемнадцать. Снег тает на Ксюшиных длинных ресницах. Белые хлопья оседают на крыши и провода. Зима замечает... Все окутывает мертвая зима. Меня больше нет на тех остановках. Но там по-прежнему осталась девочка, ненавидящая весь этот чертов мир. А я же... Я здесь, рядом с Ксюшей, а после и с ее семьей, которая учит меня открывать другие, лучшие грани себя.

Он простит

Свекольное поле тянулось километром до самой посадки. Маленькая Люба серьезными глазками-блюдцами смотрела вдаль — туда, где кончалась выделенная ей грядка. Живот девочки ныл — ее преследовало неустойчивое чувство голода, впрочем, как и всех. Ножки дрожали от слабости и недосыпа. Увидев, что мама опустилась со своих костылей на землю и ползком начала прополку, девочка спохватилась. Безжизненная правая нога мамы волочилась между грядок, и эта картина привела бы четырехлетнюю Любочку в ужас, не видь она этого почти всю жизнь. Братья тоже приступили к работе. Играть никому не хотелось. Игры — это для сытых времен. Нужно успеть, пока не распалится солнце. Любочка ступила босиком на иссушенную землю, и ее миниатюрные детские пяточки отпечатались в пыли. Наравне со всеми девочка стала прорывать сорняки.

Когда в 1942 году с фронта пришла похоронка на отца — погиб в бою, — маму на нервной почве парализовало ниже пояса. Одна нога частично восстановилась, вторая же так и осталась бесчувственным куском мяса. Любочке в то время едва исполнился год. По-

мимо нее, на руках у женщины осталось три старших сына, но все они были еще детьми.

Мама почти заканчивала свою грядку, когда Люба достигла середины поля. Девочка выпрямилась, потянула вверх ручки, чтобы хоть как-то размяться. Солнце уже поднялось за посадкой, и сочно-зеленые листья свеклы как бы раскрылись от его лучей, стали более раскидистыми. Спину Любочки начало припекать. Голова кружилась, в горле пересохло. Братья продвинулись далеко вперед, а она, как всегда, позади. Мама доползла до теней посадки, присела на траву. Любочка чувствовала, что больше не в силах выдернуть даже тощенький сорняк. Испытывая стыд перед работающими братьями, пошатываясь и цепляясь за самый край ускользающего сознания, Люба направилась к маме.

«Боженька, прости меня, пожалуйста, я только водички попить и сразу же вернусь», — думала по дороге маленькая Любочка и виновато посматривала на синее небо, и там, среди высоких и чистых облаков, она отчетливо видела Господа, следящего за нею суровым и мудрым взглядом, Господа, который знал о ней все и слышал каждую ее нехитрую мысль. Набожность была у Любочки в крови, она всосала ее с молоком матери, и все, кого она знала, были чрезвычайно богобоязненными и не испытывающими никаких сомнений в том, что Бог есть, и кары его также велики, как и любовь. Мама всегда говорила, что Господь их не оставит, если сердца будут чисты, а помыслы устремлены к тому, чтобы чтить божьи заповеди. У них в семье сложилась и своя заповедь за время войны: не себя жалея, а других, родных.

— Мама, можно мне водички, пожалуйста? — отводя глазки от лица матери, сказала Люба.

По лбу женщины была размазана грязь — протира-
ла его от пота тыльной стороной ладони, а руки-то все
в земле. Сальные волосы выбились из-под платка, мама
тяжело дышала и морщилась от за грудиной боли. Ра-
бочий фартук тоже весь в грязи — еще бы, ползком об-
рабатывать всю грядку.

— Вон там, в котомке, возьми и мне дай чуток, —
выдохнула мама.

«Бедное дите! — думала она. — Ей-то это все за
что?»

На исхудавшем личике дочери остались одни боль-
шие глаза, в которых не было ни капли присущей де-
тям наивности. Только нужду, голод, страдания и поте-
рянность выражала их синева, а белые кудряшки волос
сбились от проступившего пота.

«Несчастливая моя девочка. Никак не облегчить мне
твою участь. Помоги нам, Господи, спаси грешных!»

Любочка отпила из фляги немного воды, хотелось
выпить все, залпом, до того было вкусно, но она зна-
ла, что необходимо оставить и другим. Девочка пере-
дала флягу маме.

— Оладушек возьми там и посиди рядом со мной,
отдохни.

— Но, мама, я еще не допелоча...

— Поешь, говорю!

От мысли о еде в желудке девочки засосало. Люба
взяла оладушек — он сплошь зеленый да коричневый,
какая там мука — лебеда да отруби. Она проглотила его
и даже не успела почувствовать вкус. Потом прижалась
к маминой руке и, разморенная солнцем, чуть не задре-
мала за те пять минут покоя. Любочка вернулась к сво-
ей грядке, а мама начала допалывать ее с другой сторо-
ны. Братья закончили работу и, сделав привал, смели
всю воду с оладьями за минуту. Потом вместе допело-

ли еще одну общую на всех грядку и собрались домой. По пути им встретился односельчанин, недавно вернувшийся с войны. Мальчишки смотрели на него во все глаза, оборачивались вслед. Восхищение и горечь смешивались с завистью.

— Мама, а вдруг и наш папа еще вернется домой? Ведь Фроловых папка вернулся, а они тоже получали похоронку... — сказал средний, Василий.

— Он не вернется, — отрезала, тяжело дыша, мама. Костыли натирали подмышки.

— Ты не можешь знать точно! Я вот верю! — приотпнул ногой упрямый Василий.

Мама остановилась и обвела усталым взглядом детей. Какие же они все... Господи! А Васька вылитый отец. Им кажется, что если случится чудо и отец вдруг вернется, жизнь станет совсем другой.

— Чувствую я, Вася, просто сердцем чувствую, что нет его больше. У нас с вами одна надежда — на себя и на...

— Бога, — закатил глаза самый старший, Алеша.

— Цыц, окаянный! Не смей так!

— Да где он, этот Бог твой, небось, чаи попивает мирно, пока мы все тутдохнем, но уже без войны!

Мама разъярилась и замахнулась на него костылем.

— Еще одно слово в таком духе, и будешь жить в собачьей будке, а не в моем доме!

Алексей ускорил шаг, и Люба услышала, как он бурчал себе под нос:

— Не нужны мы этому Богу. Вот подкинет он тебе еще одну свинью, может, прозреешь.

Мама перекрестилась на купола стоящего за вереницей домов храма, и Любочка прилежно за ней повторила.

В ту злополучную ночь девочка крепко спала под боком матери. Из сенцов тянуло навозом — там дер-

жали корову, главную кормилицу семьи. От взволнованного лая собак корова проснулась и начала жутко мычать, всех переполошив. Надо сказать, что дом у них был не отдельный, а на три хозяина, и в двух других половинах обретались невестка-вдова с маленькой дочкой и их глухой дедушка, доживающий последние дни.

Мать ласково успокоила корову и вышла с Алексеем во двор. В доме невестки Светланы были люди, слышались ее истеричные, отчаянные крики и мольба. Алексей перепрыгнул через разделяющий дворы забор и хотел ворваться в дом, но тут из него вышли двое мужчин, волоча за собой сопротивляющуюся и рыдающую Светлану.

— Куда вы ее? Что случилось?

— Арестована по приказу.

Светлана взвыла, бешеным блеском горели в свете звезд ее глаза:

— Три колоска сорвала с поля! Три колоска несчастных! Да что ж делается-то! Жрать ведь нечего!

— Поле не ваше, а колхозное! Теперь будете отвечать! — грубо дернул ее конвойный.

Тут Светлана увидела свою полупарализованную родственницу.

— Наташа! — крикнула она уже со спины. — Умоляю, возьми к себе мою Дашку! Она в доме! Одна! Сгинет в приюте дите! Богом заклинаю, возьми ее на время!

Крики Светланы вскоре стихли.

— Сходи, возьми девочку, — сказала мать Алексею.

Алексей вынес на руках плачущего ребенка.

— Не плачь, не плачь, Дашенька. Пока со мной, с тетей своей побудешь, а мама скоро вернется... — пожалела Наталья дите и улыбнулась, погладив малышку по щечке.

Она уложила девочку между собой и Любой (больше было некуда). Ребенок долго не мог отойти от испуга и все всхлипывал, просился к маме. Любочка не понимала, что происходит, но по тому, как горько причитала ее собственная мама и вытирала краем простыни слезы, поняла, что случилось нечто страшное.

За три колоска пшеницы, сорванных с поля, Светлану посадили на два года. Наталье было жаль отдавать девочку в приют, хоть и самим есть нечего. Она оставила Дашу у себя.

— Ну вот, еще один рот.

Алексей враждебно глядел на жавшуюся к его матери тощенькую девчушку, такую же мелкую, как и его сестра. Ей выделили на завтрак стакан молока — разделили скромный паек не на пятерых, а уже на шестерых.

— Чем кормить будешь?

— Чем Бог даст, — вздохнула Наталья.

* * *

Девочка Люба, трепеща, поцеловала поднесенную мамой икону. Она навсегда запомнит душные запахи церковного ладана и мирры, ведь уже многим после они крепко станут ассоциироваться у нее с приступами сосущего голода и отчаянной, не имеющей право на жизнь надежды. Привыкшим страдать, им казалось, что этот мрак никогда не закончится, что такая есть обычная жизнь на земле — лишь страдание и боль. Каждое воскресенье мать водила их в церковь, всех, кроме старшего Алексея — он идее Бога был враждебен.

Вошедшая в их семью двоюродная сестра Даша была девочкой тихой и некрасивой. Рядом с хорошенькой, но такой же истощенной Любочкой, она казалась совсем жалким заморышем. Люба слышала, как однаж-

ды братья переговаривались, и Васька ляпнул, что если кто и помрет от голода первым, то это будет Даша. Да и не так жалко ее, как своих. Как бы то ни было, обе малышки трудились наравне со всеми и продолжали дружить, как это и было до ареста Светланы.

Корова была в их семье воистину священным животным, в которое вкладывалось много труда — и сени после нее каждый день чистили, и на выпас водили, и сено запасали (братья жали его серпом, а девочки потом собирали), и водичку подавали, но, честно говоря, кормить животину было особо нечем. Когда же корова была в запуске, приходилось совсем худо, без молока-то. А ведь был и натуральный оброк: мясо, молоко опять же, яйца, фрукты, овощи... И неважно, есть у тебя животные или нет, яйца и мясо приходилось обязательно сдавать.

— Вот оно как, Алешенька, сами яиц тех бог знает сколько не ели, а все кому-то обязаны! — плакала мать, которой эти яйца достались непосильным трудом.

На лице пятнадцатилетнего Алексея явственно проступали скулы:

— Значит, надо так, мама. Терпи, потом легче будет. На таких, как мы, вся страна и держится!

— Да что мне та страна, когда собственные дети пухнут с голоду...

В конце августа убирали свеклу: выкапывали, очищали, отвозили на сахарный завод. И мама опять ползла по полю, волоча парализованную ногу... И Люба с Дашей тоже все таскали на себе. За свеклу им давали зерно.

Творог — самая лакомая и сытная пища, которую время от времени по кусочку позволяла себе их семья. Именно об одной съеденной горсти творога осталось у Любочки воспоминание, мучавшее ее всю жизнь.